

А. Г. Козлова

Экспрессивные средства в поэзии Джона Апдайка

В статье рассматриваются и анализируются выразительные средства, стилистические приемы, фигуры и тропы, используемые Джоном Апдайком в поэзии. Выявляются и демонстрируются с помощью примеров их отличительные характеристики, особенности и основные закономерности употребления. Исследуются случаи слияния двух и более тропов.

Ключевые слова: поэзия, стилистика, Джон Апдайк, выразительные средства, стилистические приемы, фигуры речи, тропы.

A. G. Kozlova

Expressive Means and Stylistic Devices in John Updike's Poetry

The article provides a comprehensive analysis of the main expressive means, stylistic devices, literary techniques, figures of speech, and tropes employed by John Updike in his poetry. Their distinct characteristics, features, and peculiarities are explored and illustrated by ample examples in different contexts. Various cases of two or more tropes merging are brought to light and investigated.

Keywords: poetry, John Updike, stylistics, expressive means, stylistic devices, literary techniques, figures of speech.

Ярким показателем художественного мастерства поэта является экспрессивная сторона его литературного языка, центральную роль в котором играют различные стилистические фигуры и тропы. Посредством применения различных лексических единиц в переносном или неожиданном для них значении и их сочетания автор демонстрирует свое литературное умение и производит особый эффект на читателя. При раскрытии и анализе множества языковых средств и приемов, употребляемых поэтом, обнаруживается все своеобразие, сложность и многогранность его мировоззрения, где находят свое воплощение и интерпретацию разнообразные элементы действительности и культурные реалии [4, с. 82–83].

Джон Апдайк выделяется из ряда своих современников оригинальностью и непредсказуемостью использования различных лексических средств, приемов и тропов, представляющих особый интерес для исследования, изучения и анализа со стилистической точки зрения [7, с. 143]. Для него характерно сочетание слов в достаточно оригинальной и нестандартной манере. В его тропах переплетаются эпохи и многообразные аспекты различных сфер жизни, как извечных, существующих испокон веков, так и современных, только зарождающихся, которые приобретают стилистическую нагрузку и служат

для передачи всей гаммы настроений и эмоций лирического героя автора [6, с. 118]. Образы титанов, римлян, исторических мест (Византия: *the Byzantine Trinity* [8, с. 14] – «Византийская Троица»), мифологических существ (Медуза Горгона: *each a Gorgon's head* [8, с. 16] – «каждый [столб] – голова Медузы Горгоны»), политических фигур и деятелей (Птолемей: *those old Ptolemaic heavens* [8, с. 14] – «эти старые птолемеевы небеса»; Платон: *Plato's Ideals* [8, с. 14] – «идеалы Платона»; Цезарь: *when Caesar fell* [8, с. 8] – «когда Цезарь пал»; Сталин: *Stalin, who indulged his native land with privilege...* [8, с. 47] – «Сталин, который избаловал свою родную землю привилегией...»), элементы природы сочетаются с обыденными и повседневными жизненными реалиями (автомобили, виды спорта, названия газет и журналов: *property laws* [8, с. 16] – «закон собственности»; *my well-insured '55 Fordor Ford* [8, с. 16] – «мой правильно застрахованный Форд «Фордор» 55 года выпуска»; *the flutter of a Guardian* [8, с. 9] – «шелест газеты "Guardian", *copies of Punch* [8, с. 22] – «номера сатирического журнала "Punch"; *vacant lots* [8, с. 15] – «вакантные места для парковки») и научными терминами и формулировками: *polycentric orbits, elliptical with mutual motion* [8, с. 14] – «полицентрические орбиты, эллиптические при совместном движе-

нии»; *shapely syntheses* [8, с. 14] – «изящные синтезы»; *calculable* [8, с. 14] – исчисляемый, *compounded mass* [8, с. 14] – «комбинированная масса»; *ectomorphic heads* [8, с. 20] – «экторморфные головы»; *distance brings proportion* [8, с. 10] – «расстояние дает пропорцию»; *their fearsome crowns of trusses, struts, nuts, insulators...* [8, с. 16] – «их зловещие короны из болтов, строительных ферм, распорок, гаек, изоляторов...».

Иногда для зарождения в сознании читателя особых ярких образов поэт занимается словотворчеством и придумывает несуществующие слова: *those clickless rings* [8, с. 6] («эти нещелкающие кольца костей»), *those prisonerless ribs* [8, с. 6] («эти ребра без заложников»), *Italianly* [8, с. 19] («по-итальянски»).

В поэзии Апдайка эпитеты могут придавать определенным предметам социальную окраску и новые грани и характеристики [1, с. 38]. Например, они могут быть представлены сочетанием прилагательного с существительным: *democratic sun* [8, с. 11] («демократическое солнце»); *peppermint thought* [8, с. 11] («отрезвляющая мысль»); наречия с глаголом: *absurdly kindle my eyes* [8, с. 28] – «абсурдно зажигают мне глаза»; причастия или отглагольного прилагательного с наречием: *balanced occultly* [8, с. 14] – «тайно уравновешенные»; прилагательного с субстантивированным прилагательным: *the ominous bedroom dark* [8, с. 17] – «зловещая темнота спальни». Использование экономических терминов, обычно лишенных каких-либо положительных либо отрицательных коннотаций, выделяет его из ряда американских поэтов: «платежеспособным домам» (*solvent homes* [8, с. 15]) и «маркетабельным товарам» (*marketable goods* [8, с. 15]) он придает негативный оттенок из-за чрезмерной важности материальных благ в жизни современного общества.

Одним из тропов, особо интересным с точки зрения выразительности, является метафора, которая в некоторых случаях сочетается с персонификациями, эпитетами и другими тропами: солнце он называет *that white coconut* [8, с. 3] («этот белый кокос»); цвет неба – «кукурузным» (*cornflower sky* [8, с. 7]); *these courtly cottonbellies* [8, с. 3] («добродушные животы тканых парусов») и *piratical great galleons* [8, с. 3] («великие пиратские галеоны»), используя исторический образ галеонов, существовавших в Испании в XV–XVII вв.; скопления сосен – «сосновыми островами» (*pine islands* [8, с. 4]); лучи солнца – *counterweights of shadow* [8, с. 4] («про-

тивовесы тени»); почву – *earth's fur* [8, с. 4] («мех земли»), цвет которой он сравнивает с мехом бурундука (*chipmunk-colored* [8, с. 4]), сочетая таким образом метафору и эпитет в одном тропе; подсолнух – «мерилом времени» (*yardstick of hours* [8, с. 5]), имеющим «горящее старое львиное лицо в женском чепце» (*...burning old lion face, you wear a girl's bonnet behind...* [8, с. 6]); планету, на которой мы живем, автор метафорически называет «драгоценным камнем» (*the jewel* [8, с. 3]); землю – «спутанным эпицентром» (*the muddled hub* [8, с. 3]); солнечные лучи – «падающими вниз дополнениями» (*complements* [8, с. 4]); язык гаснущего пламени – «оранжевым пером» (*an orange feather* [8, с. 15]); холмы – «подстриженными парикмахером» (*barbered hills* [8, с. 9]); деревья – «подогнанными по размеру» (*tailored trees* [8, с. 10]).

Писатель метафоризирует не только общеизвестные понятия, но и специальные термины: *rain, beginning, hyphenates our racing windows...* [8, с. 10] («дождь, начинаясь, ставит дефисы между мчащимися перед нами окнами поезда...») и физиологические процессы: *yellowing gridwork of nerve* [8, с. 13] («желтеющая сетка нервов»).

В своей поэзии Джон Апдайк использует метафоры и сравнения не только по отношению к высоким материям и абстрактным понятиям, но и при описании таких обычных сфер жизни, как спорт, государственная служба, рабочие профессии [2, с. 127–129]. В поэзии многих его предшественников все это оставалось незамеченным и не получало должного внимания. Локти бейсболистов он называет «резиновыми» (*their rubber elbows* [8, с. 4]), а руки игрока сравнивает с дикими птицами (*his hands were like wild birds* [8, с. 5]); ноги полицейских ему кажутся «приклеенными» (*feet of glue* [8, с. 13]). Рисуя причудливость форм костей животных, аккуратно сложенных на ферме своего дяди-мясника, лирический герой сравнивает их изогнутость с ручками зонтов (*some curve like umbrella handles* [8, с. 6]); их гору он называет «ключами к мамонтовым замкам» (*keys to mammoth locks* [8, с. 6]), соединяя таким образом три тропа: две метафоры и эпитет.

В творчестве поэта активно используется и метонимия, выражающая смежность понятий между некоторым предметом и его содержимым или автором и его творением: *bright applauding tiers* [8, с. 5] («яркие аплодирующие ярусы»), *populated tiers* [8, с. 10] («населенные ярусы»), *Constable clouds* [8, с. 10] («констаблевские [John Constable (1776-1837), английский художник-

романтик] облака», *Dante's rose* [8, с. 10] («роза Данте»).

Языку Апдайка присуща гиперболичность, иногда сочетающаяся с эпитетом: *ceaseless garage* [8, с. 13] («бесконечный гараж») или сравнением: *more constant than evergreens* [8, с. 17] («более постоянные, чем вечнозеленые деревья»).

Его творчеству присущи ироничность и сарказм, заметно отличающие его как от предшественников, так и от современников [5, с. 51]: *the old bubble-head style* [8, с. 4] («в старом добром стиле дурака»); гору костей он называет «милыми вещами» (*lovely things*) [8, с. 5]; головы чак – плохо причесанными (*badly combed* [8, с. 20]); подшучивая над старыми малообразованными людьми и притворяясь одним из них, он называет их «просвещенными» (*the enlightened* [8, с. 3]).

Персонифицироваться в поэзии Дж. Апдайка могут не только предметы и явления природы, но и абстрактные понятия: *equations hunting infinity* [8, с. 6] («уравнения, охотящиеся за бесконечностью»), олицетворения могут сочетаться с метафорами: *the lathe's loose jaws* [8, с. 6] («расслабленные челюсти ткацкого станка»). При описании рук бывшего баскетболиста, теперь работающего на автозаправке, автор придает им свойства одушевленного предмета: *his hands are fine and nervous on the lug wrench* [8, с. 5] («в нервных руках зажат слесарный ключ»). Для акцентирования мастерства игрока используется персонификация *the ball loved him* [8, с. 5] («мяч его любил»). Изображая техническую сторону работы станка, писатель употребляет такой эпитет, сочетающийся с персонификацией и обычно применяемый только по отношению к людям, как «угрюмый» (*sullen stilled turning* [8, с. 6]).

Нестандартность мышления автора находит свое выражение в самых неожиданных олицетворениях: «беременные стручки» (*expectant pods* [8, с. 9]); «возделываемая и безжизненная земля» (*a tame and castrate land* [8, с. 10]); «нить накаливания, освобожденная от бремени съедающего ее атомы заряда» (*the filament unburdened of its atom-eating charge* [8, с. 9]); мартовский ветер ему видится «хвастливым» (*heard his wind as boasting* [8, с. 7]); гром может «блефовать» (*the thunder bluffs* [8, с. 8]); облака – «прохаживаться, как часовые» (*clouds stride sentry* [8, с. 8]); корни деревьев в состоянии испытывать агонию (*the agony of roots* [8, с. 8]).

В своей поэзии Джон Апдайк использует оксюморон, иногда в сочетании со сравнением: *lively, smug, and brave as adventurers safe* [8, с. 10] («бодрые, довольные собой и смелые, как путешественники в безопасности»).

Языку его поэзии свойственно применение катахрезы, иногда сливающейся с другим тропом: при употреблении *acres and acres ago* [8, с. 3], в котором слово *ago*, обладающее только временной семантикой, употреблено в сочетании с лексической единицей пространственной семантики (*acres*); *absurd paws* [8, с. 6] («абсурдные лапы»), *pine islands in a broken lake* [8, с. 4] («сосновые острова в разбитом озере») и *blue leaves* [8, с. 3] («голубые листья», которыми автор называет облака), где катахреза сочетается с эпитетом, или *rusty repertoire of smells* [8, с. 8] («ржавый репертуар запахов»), где три слова приобретают нестандартные предметно-логические значения.

Характерная черта творчества Дж. Апдайка заключается в его перифрастичности, часто появляющейся при описании природы и ее составляющих и иногда сочетающейся с эвфемизмами: океан он именует *many-maned scud-thumper* [8, с. 18] («многогривый погонщик»), *tub of male whales* [8, с. 18] («ванна для китов»), *maker of worn wood* [8, с. 18] («лесоруб»), *shrub-ruster* [8, с. 18] («губитель кустарника»), *sky-mocker* [8, с. 18] («насмешник над небом»), *portly pusher of waves* [8, с. 18] («величавый гонитель волн»), *wind-slave* [8, с. 18] («раб ветра»); комариное жужжание он эвфемистически называет «нитью песни» (*his thread of song* [8, с. 17]), его хобот – «жаждущей тоскующей нитью» (*a thirsty blue streak* [8, с. 17]), а себя в противовес крошечному комару он считает «хитрым, сильным Гаргантюа» (*a cunning, strong Gargantua* [8, с. 17]).

Одной из наиболее ярких особенностей языка стихов Апдайка является распространенность в его поэзии гротеска (часто в сочетании с гиперболой), изображающего обыденные и привычные элементы жизни и предметы в намеренно преувеличенной и искаженной манере, носящей оттенки фантастического характера, переплетающей реальность с нереальностью и прошлое с будущим [3, с. 112]. Так, появление телефонных столбов он объясняет карканьем магической вороны, которую никто никогда не видел (*each pole, a caw* [8, с. 3]), а сами эти столбы он сравнивает с «расой мифологических гигантов» (*like a race of giants that faded into mere mythology* [8, с. 16]). Свет, дающий тень, как кажется писате-

лю, «растворяет нити лучей на стене и превращает их пространственный разговор в диалектический»:

... *shadow-casting light*
dissolves on the wall
the mobile's threads and turns its
spatial conversation dialectical [8, с. 14].

При использовании антитез поэт очень точно отображает противоречия современного общества, затрагивая многие злободневные аспекты жизни и деятельности человека (*my car, legally parked, yet violates his windows* [8, с. 16] – «моя машина, припаркованная в специально отведенном месте, посягает на права соседа»; *absurd but actual* [8, с. 14] – «абсурдно, но реально»). Антитезы могут сочетаться с персонификациями и не иметь в своем составе какого-либо противительного союза: *grave mountains belly dance* [8, с. 4] («серьезные горы танцуют танец живота»), где горы олицетворяются и их серьезность и важность противопоставляется такому беззаботному развлечению и праздному времяпрепровождению, как танец. Автору удается противопоставить некоторые понятия, которые он в то же время объединяет какой-либо общей характеристикой: *no man could conceive such finesse, concave or – vex* [8, с. 6] («никакой человек не мог придумать такого изящества, выпуклого или вогнутого»).

Разнообразные средства и приемы создания художественной экспрессивности в поэзии Джона Апдайка, такие как использование специальных терминов; исторических, мифологических и библейских мотивов; эпитетов, приобретающих социальную окраску; метафор, переплетающихся с персонификациями; метонимий, перифраз, гипербол, оксюморонов, катахрез, гротеска, антитез, иронии и сарказма, являются наглядным доказательством нестандартности, необычности и

многогранности его мышления и восприятия им действительности, которая преломляется у него в сознании и находит свое отражение в его литературном творчестве. При анализе поэзии данного американского автора прослеживается ее яркая роль как одной из вех американской литературы и раскрывается неограниченный вклад, внесенный писателем в эволюцию английской стилистики, лексикологии и лингвистики благодаря его способности создавать новые, ранее не существовавшие слова и комбинировать различные лексические единицы неожиданным и непредсказуемым образом, выходя за рамки их привычной предметно-логической сочетаемости, обогащая тем самым синтагматические и парадигматические отношения в английском языке и расширяя устоявшиеся семантические поля.

Библиографический список

1. Bloom, H. *Modern Critical Views of John Updike*. – New York: Chelsea House, 1987. – 104 p.
2. De Bellis, J. *The John Updike Encyclopedia*. – Santa Barbara, California: Greenwood Press, 2001. – 545 p.
3. Greiner, D. *Don De Lillo, John Updike, and the Sustaining Power of Myth*. – Newark, Delaware: Ohio University of Delaware Press, 2002. – 229 p.
4. Hamilton, A., Hamilton K. *The Elements of John Updike*. – Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 1970. – 267 p.
5. McNaughton, W. R., *Critical Essays on John Updike*. – Boston: GK Hall, 1982. – 308 p.
6. Newman, J. *John Updike*. – London: Macmillan, 1988. – 176 p.
7. Schiff, J. A. *John Updike Revisited*. – Woodbridge, Connecticut: Twayne Publishers, 1998. – 238 p.
8. Updike, J. *Collected Poems: 1953-1993*. – New York: Knopf, 1995. – 387 p.